

GILLETTE & L'ORÉAL, WOMEN USA

VOL. IV

Missouri • Montana • Nebraska • Nevada
New Hampshire • New Jersey
New Mexico • New York

FERDINANDO FREGA ✨

GILLETTE & L'ORÉAL, WOMEN USA — VOL. IV

L'ORÉAL THROUGH GILLETTE · 12

*Миссури, Монтана, Небраска, Невада, Нью-Гэмпшир,
Нью-Джерси, Нью-Мексико, штат Нью-Йорк.
Четвёртый отрезок американского пути — от равнин
до восточного побережья.*

Нулевая глава — общее начало

*Эта вступительная глава общая для всех шести томов
«Женщин Соединённых Штатов». Здесь она приведена
полностью и свёрнута, чтобы серию можно было читать
поряд, без повторов.*

НУЛЕВАЯ ГЛАВА

Здесь мир — не территория: это предел. Северный полюс не встречает, не прощает, не оставляет места для ошибки. Белое царит как абсолютная сущность, безмолвная и без памяти. Температура — не метеорологические данные: это хищник. Ночь длится месяцами, давит мысли, искажает очертания людей, поглощает их волю.

Общины немногочисленны, малы и замкнуты. Инуиты, юпики, арктические народы живут там, где никто не решился бы остаться. Здесь каждый человек необходим для выживания группы. Если ты не полезен, ты становишься обузой. А те, кто становится обузой, исчезают в тишине, в снегу, в логике среды, которая не идёт ни на какие уступки.

Научные станции добавляют холод другого рода: холод иерархий. Здесь женщина — редкость, аномалия, которая должна приспособиться или погибнуть.

В этом месте понятия «исчезновение» не существует. Есть только белое, которое стирает всё.

Женщины инуитов и юпиков

Арктическую девочку не балуют: её готовят. Она рано учится выдерживать холод, темноту и голод. Она должна стать полезной для рода, потому что здесь идентичность не личная. Она функциональна. Женщина несёт на себе бремя семьи и общины: еда, огонь, дети, шкуры, забота. Никто не говорит о правах. Никто не говорит о хрупкости. Депрессия существует, но у неё нет имени. Насилие существует, но у него нет свидетелей.

Женщина научных станций

Образованная, компетентная, привыкшая к дисциплине. Она приезжает как исследовательница, техник, врач. Она быстро обнаруживает, что Северный полюс не признаёт дипломов. Здесь важна только душевная стойкость. Над ней господствуют мужские иерархии, и любой признак слабости толкуется как слабость. Это среда, где силы недостаточно: нужен предельный самоконтроль.

Западная женщина «извне»

Выросшая на свободе, она приезжает в уверенности, что сможет покорить холод. Но это место её ломает: одиночество, крошечные пространства, бесконечное молчание. Станции — не общины, это механизмы. И женщина внутри механизма,

придуманного мужчинами, должна бороться, чтобы не исчезнуть.

Путешествие на край света

Мой сосед Антонио, которого все звали Нино, годами говорил о Нордкапе, о полуночном солнце, о месяцах без темноты. Это была мечта, которую он носил в кармане, как что-то невозможное. Однажды майским утром я позвонил в его дверь и сказал только одно: «Собирай чемодан. Я вернусь через час. Вернёмся через 30 дней». Он посмотрел на меня удивлённо, счастливо. Его жена, встревоженная, спросила, что мы задумали. «Гнаться за мечтой», — ответил я.

Мы сели в машину. Наши жёны смотрели на нас как на сумасшедших. Но эта поездка была настоящей. У Нино уже было полно вопросов. «Куда мы едем? Сколько денег взять?» «Расслабься, — сказал я ему. — Через 54 часа будем на месте. Всего 5000 км. Мы в новом Range Rover. Наслаждайся дорогой».

Каждые 300 км мне приходилось останавливаться: он, на двенадцать лет старше меня, жил в своём ритме. У меня были вода и напитки; у него — кофе и физические потребности. И чем дальше мы ехали, тем больше он рассказывал о своей жизни. О таких вещах, которых я никогда бы не узнал, если бы не эта бесконечная дорога.

Двое мужчин одни в машине всё время говорят о женщинах. Он знал только свою жену. Я смеялся. Я его успокоил: «Мы такие же».

Он спросил, как мне удаётся не сойти с ума, ведя машину 60 часов. Я рассказал ему о России, когда в 22 года я проехал за рулём 51 час, чтобы встретиться с женщиной, которую

никогда не видел. «Расстояния — не пределы, — сказал я ему. — Это отговорки. У меня их никогда не было».

Прибытие в белое

Мы въехали в Норвегию. Хостел у дороги. Машину мы оставим там и дальше поедem на санях.

Проводник был закутан с головы до ног, непроницаем. Когда он снял очки, я обнаружил, что это женщина. Норвежка, молчаливая, прямая, ледяная. Нино посередине саней, она впереди, я со своими 190 см сзади, замыкающим.

Было ещё светло. Часы показывали время, но не говорили, ночь сейчас или утро. Это было полуночное солнце. Мы добрались до Нордкапа.

Нино плакал. Он обнял меня. Я сказал ему со смехом: «Осторожно... люди могут подумать, что мы геи». Мы смеялись, но мы были на краю света.

Потом пришёл мороз: -52°C .

Вход в настоящую Арктику

Нас отвели в металлический контейнер переодеться. Невероятно тяжёлые стёганные комбинезоны, застёгнутые на сложные молнии.

Я заплатил проводнице. Нино оставили в иглу с какими-то мужчинами; меня — в другом, с семьёй: старик лет семидесяти-восемидесяти и три женщины от тридцати до пятидесяти.

Это был замкнутый мир. Простой. Жестокий.

Мужчина держался в стороне. Женщины задавали ритм. А туалетом служил холмик в пяти метрах от иглу: какашки замерзали, не успев коснуться земли. Моё первое пи-пи превратилось в жёлтую арктическую звезду. Это Север со мной здоровался.

Женщина средних лет, Маги, немного говорила по-английски. Остальное — жесты, глаза, руки. Язык холода.

Когда я не понимал, как пользоваться комбинезоном, она, не задумываясь, коснулась моего паха, чтобы показать скрытую молнию. Ни злого умысла, ни смущения: только функция. Выживание.

Три дня в иглу

Принесли еду. Копчёную рыбу, сырую рыбу, печень трески, китовое брюхо. И шарики из акулы. Выбора не было. Альтернативы не было. Это было то, что даёт природа.

Потом я выпил красную жидкость. Я думал, это вино. Это была процеженная, прокипячённая, подслащённая китовая кровь. Я её выпил. Она дала мне силу, какой я никогда раньше не чувствовал. Первобытную энергию. Я подумал, что это кокаин. Нет. Это Север входил в тело.

Женщины наблюдали за мной. Старик уходил на охоту. Я отдыхал и пил кровь. Три дня без телефона, интернета, компьютера, без Нино. Только я и они.

Ночи не было. Только свет, огонь, лёд и дыхание.

Три женщины легли спать. Я искал себе место. Самая молодая подняла руку и знаком позвала меня ближе. Они расхохотались. Я не понимал. Они сказали, что я их «Рождество».

Так они говорили, что меня приняли.

Я попытался дать им немного денег в благодарность. Они отказались. Они хотели только объятий. И нескольких слов по-калабрийски, чтобы почувствовать себя ближе.

Там я понял цену настоящих подарков: тех, что нельзя ни купить, ни продать.

Прощание проводницы

Через три дня приехала проводница. Она целый час говорила с тремя женщинами. Я был снаружи. Я не понимал, о чём они говорят. Это было не моё дело. Это был их язык, их мир, их закон.

В контейнере, пока я раздевался, вошла проводница. Любопытная. Прямая. Северная. Она крепко меня обняла. Она меня поцеловала. Её кожа была белой, как молоко. Её глаза были синими, как августовское небо.

Она попросила увезти её. Она сделала бы что угодно, лишь бы выбраться из этого мира.

Я уважительно улыбнулся. Я не мог. Я не должен был.

Я оставил ей только одно обещание: «Если тебе что-нибудь понадобится, напиши мне письмо. Я помогу». Она отказалась даже от денег. Она была красивой женщиной, но одинокой. Одиночество, которого не видно издалека. Одиночество, которого холод не прощает.

Возвращение домой

Мы поехали забрать Нино. Он был в восторге. Он не хотел возвращаться. Но у меня была встреча с его женой.

Он всем рассказывал о своих трёх днях. Я молчал. Я никогда ничем не делился с женщиной. Только с бумагой.

И вот, пока Нино возвращался в свой мир, я уже был на пути в другой. Другое место назначения. Другая встреча.

Добро пожаловать.

Эпилог

Север не забирает тебя: он тебя меняет. И никогда

не возвращает целым. Мужчины приезжают на Северный полюс в поисках света, тишины, фотографий, мечтаний. Женщины остаются, чтобы выжить.

Мужчины рассказывают о том, что видели. Женщины молчат о том, что пережили.

Мужчины возвращаются. Женщины остаются. Они остаются в холоде, в снежных домах, в неслышанном молчании. Они остаются, чтобы держать на себе общины, которые их не чествуют. Они остаются, чтобы защищать детей, стариков, чужаков. Они остаются невидимыми.

Оттуда я увёз только одно воспоминание: красивая, невероятно красивая женщина, но одинокая. Не в романтическом смысле. В человеческом. В трагическом.

Размышление

Север не убивает тело. Он убивает присутствие. И остаётся белое: место, где женщины живут и исчезают одновременно.

Вот почему я пишу. Потому что крайние места не рассказывают свою историю сами. А те, кто через них

проходит, не могут позволить себе роскошь молчать.

Только не я. Только не я. Моя земля меня родила, а остальной мир принимает меня не как гостя, а как члена семьи.

Из абсолютной белизны Севера я спустился в абсолютную неразбериху Соединённых Штатов.

СОЕДИНЁННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Невозможное задание

Восемнадцать лет работы в американской компании дают то, чего не даст ни одна другая компания в мире: рабочую культуру, процедуры, ясную миссию и систему ценностей, которые не теория — это ежедневная практика. Тебе их не объясняют; их в тебе выстраивают. И делают это, не спрашивая твоего разрешения.

Я был в нью-йоркском офисе, когда мне предложили работу, какую я и вообразить не мог. Не повышение. Не перевод. Эксперимент.

Конфиденциальная программа, созданная, чтобы проверить модель человеческих отношений внутри Соединённых Штатов. Выбирали не менеджеров, не психологов, не тренеров. Выбирали людей с определённым опытом реальной жизни. И всплыло моё имя — хотя я восемнадцать лет проработал в продажах. Смотрели не на должность: смотрели на ум.

Задание было просто объяснить и невероятно трудно выполнить:

за один год объехать 50 американских штатов, самому выбирая города и оставаясь в каждом не меньше недели.

Последние две недели — принудительный отпуск. Все расходы они брали на себя. Мне оставалось только жить, наблюдать, понимать и каждый понедельник сдавать отчёт. Человеческий, сухой, точный отчёт.

Я подписал контракт. Предупредил домашних. Они ни о чём не спросили. Им только хотелось знать, пришли ли деньги на месяц. Мне предстоял год в Америке. Им, как всегда, — следующий месяц.

На всякий случай зарплату перечисляли прямо на мой банковский счёт в Италии. Это был вежливый способ сказать мне: «Не делай глупостей. Живи на то, что есть. Посмотрим, кто ты на самом деле».

Только пятнадцать лет спустя я получил доступ к своим исходным отчётам, к анализам и к материалам, которые обо мне собрали. Отсюда и родилась эта книга. Я получил разрешение её опубликовать при одном условии: никогда не называть компанию, которая её заказала.

Это не важно. Эта история не о логотипах. Она о человеке в стране, которую невозможно понять, пока не проживёшь её сам.

Начать с самой дальней точки?

Логичнее всего было начать с окраин, а не с центра. По двум простым причинам:

1. Я только что вышел из эксперимента: высокая ясность, предельное внимание.

2. Начав с крайней точки, я мог по ходу скорректировать курс и чисто завершить путь.

Мне не нужно было начинать с Бостона или Чикаго. Начинать надо было с границы. С места, которое было Америкой только на бумаге.

Я выбрал Джуно, столицу Аляски. Изолированную. Добраться туда можно только на корабле или самолёте. Город, который никому не принадлежит. Идеальное место для начала.

Оптимизировать ресурсы

Перед отъездом я сделал то, что американец уважает прежде всего: организовался как профессионал, а не как турист.

Я позвонил в три самые популярные авиакомпании, с самыми большими внутренними сетями. Меньше чем за час я купил книжку на пятьдесят внутренних перелётов со скидкой 60%.

Без ограничений по времени. Без ограничений по дням. Без запретов. Только одно условие: использовать их в течение года.

То же самое я сделал с сетями отелей, такси Uber и компаниями по прокату машин, а потом составил настоящий план этапов, способов передвижения, но не сроков.

Я был готов.

Это был мой первый настоящий успех. Первый знак того, что я умею двигаться. Америка вознаграждает тех, кто действует, а не тех, кто ждёт.

Когда компания увидела эту операцию, она сделала то, что всегда делает американская культура: проверила надёжность.

Способен ли я выдержать год постоянного движения?
Способен ли справляться с неожиданностями, расстояниями,
чрезвычайными ситуациями? Самостоятелен ли я?

Поэтому перед отъездом я уладил ещё одну важнейшую
деталь:

я добился, чтобы месячный лимит моей кредитной карты был
не меньше 100 000 долларов.

Не для того, чтобы их тратить. Для того, чтобы показать, что
мы способны ими управлять. Американцы думают так: если у
тебя нет самостоятельности, у тебя нет свободы. А если у тебя
нет свободы, тебя нельзя оценить.

С этого момента программа перестала быть заданием. Она
стала миссией.

А ТЕПЕРЬ — НАСТОЯЩИЙ ПУТЬ

Аляска входит в Соединённые Штаты только по географии.
Это другой мир.

Это место, где женщины исчезают бесследно. Где жалоба
никогда не доходит до адресата. Где города — лишь островки
цивилизации посреди дикого континента.

Джуно был моим первым испытанием: столица, у которой нет
дорог, связывающих её с остальной страной. Кусок Америки,
который не ощущается как Америка.

Здесь я начал кое-что понимать: путешествие будет не
географическим. Оно будет человеческим.

БЛОК 1 (Том I)

Алабама – Аляска – Аризона – Арканзас – Калифорния – Колорадо – Коннектикут – Делавэр – Флорида – Джорджия

БЛОК 2 (Том II)

Гавайи – Айдахо – Иллинойс – Индиана – Айова – Канзас – Кентукки – Луизиана – Мэн – Мэриленд

БЛОК 3 (Том III)

Массачусетс – Мичиган – Миннесота – Миссисипи – Миссури – Монтана – Небраска – Невада – Нью-Гэмпшир – Нью-Джерси – Нью-Мексико

БЛОК 4 (Том IV)

Нью-Йорк – Вашингтон

БЛОК 5 (Том V)

Северная Каролина – Северная Дакота – Огайо – Оклахома – Орегон – Пенсильвания – Род-Айленд – Южная Каролина

БЛОК 6 (Том VI)

Южная Дакота – Теннесси – Техас – Юта – Вермонт – Вирджиния – Западная Вирджиния – Висконсин – Вайоминг

МИССУРИ

Миссури — штат, полный противоречий. С одной стороны — спокойный Средний Запад, с другой — Юг, который так и не перестал быть жёстким. Это одна из самых расколотых территорий Америки: Сент-Луис и Канзас-Сити с их трудными кварталами, белые пригороды, живущие в

параллельном мире, бедная и неторопливая сельская глушь и политическая система, которая много говорит, но мало решает.

Это штат нормальности, за которой прячется неблагополучие, поверхностной улыбки, прикрывающей серьёзные проблемы, и «всё в порядке», даже когда ничего не в порядке.

Женщины здесь не исчезают во взрыве. Они исчезают под постоянным давлением: семья, работа, традиции, бедность, скрытое насилие, хрупкая система здравоохранения.

Миссури стирает женщин привычкой. Все ждут, что она выдержит. И она выдерживает — пока не исчезнет сама для себя.

Женщина из Сент-Луиса — 35 лет

Сент-Луис — город, который живёт в двух мирах: один богат историей, другой заперт в ловушке насилия, заброшенности и расового неравенства.

Женщина здесь сталкивается сразу с тремя проблемами: — опасные кварталы — слабые школы — низкие зарплаты.

Она работает в жизненно важных сетях города: — клиники — супермаркеты — социальная помощь — общепит — начальное образование.

Она держит то, что не может удержать система. И пока она держит всё, её не держит никто.

Её отсутствие — городское: у неё нет голоса в восстановлении города, хотя именно она справляется с каждым ежедневным кризисом.

Женщина «идеальных» пригородов — 40 лет

За пределами больших городов есть пригороды, которые кажутся безупречными: чистые улицы, хорошие школы, ухоженные дома.

Женщина здесь не бедна, но и не свободна.

Она должна поддерживать: – высокий образ семьи – безупречных детей – постоянное присутствие в обществе – расписанный ежедневник – «безупречный» брак – уровень жизни, который никогда не может упасть. Давление молчаливое и постоянное. Ей нельзя рухнуть. Нельзя притормозить. Нельзя показать хрупкость.

Её отсутствие — душевное: она существует только как роль, а не как человек.

Сельская женщина — 49 лет

Сельский Миссури — медленный, консервативный и замкнутый. Дома далеко друг от друга, услуг минимум, традиции тяжёлые.

Женщины здесь живут в мире, который меняется на удивление мало: – ненадёжная работа – плохой доступ к медицине – большие семьи – повсеместные зависимости – церкви, которые контролируют общественную жизнь – почти никакой возможности вырваться из роли.

Это жизнь из обязанностей без выбора. Если у тебя проблема, ты решаешь её сама. Если ты рухнешь, никто не заметит.

Её отсутствие — географическое и культурное: она исчезает в расстояниях и в традициях.

Женщина промышленности и ручного труда — 37 лет

В Миссури огромное количество средних предприятий: склады, логистика, сборочные линии, производственные заводы.

Женщины здесь выполняют тяжёлую физическую работу: — упаковка — производственные линии — ночные смены — погрузка — контроль качества — помощь в логистике.

Изношенные тела, низкие заработки, невозможный график. Это работа, без которой штат не обходится, но она совершенно невидима. Её отсутствие — физическое: она ломается, и некому вмешаться.

Эпилог — Миссури

Миссури — штат, который живёт кажущейся нормальностью. И в нормальности женщины теряют себя.

Она управляет трудными кварталами, гиперсоциальными пригородами, тяжёлыми заводами, неторопливой сельской глушью.

Каждый день — тихая битва. А тихие битвы — самые разрушительные.

Миссури не уничтожает женщин одним ударом. Он уничтожает их привычками, которые никто никогда не ставит под сомнение.

Размышление — Миссури

Каждый штат этого тома показывает свой вид отсутствия. Миссури показывает «тихое»: то, что рождается из рутины, из

ожиданий общества, из напряжения от необходимости быть всем для всех.

Здесь женщины — невидимый клей, который скрепляет все социальные слои. Они повсюду. И именно поэтому их никто не видит.

Миссури учит, что для стирания не нужны ни ненависть, ни конфликт. Нужно лишь, чтобы целое общество считало, что женщины всегда будут рядом.

И поэтому эта глава так важна: чтобы помнить, что нормальность, если её не поддерживать, становится ловушкой.

МОНТАНА

Монтана — чистая бескрайность: огромные горы, бесконечные дороги, бесконечные леса, одинокие дома, зимы, режущие кожу. Это один из самых красивых штатов США. И один из самых трудных для жизни.

Здесь женщины исчезают не из-за конфликтов. Они исчезают из-за географии, изоляции, сельского склада ума и душевного одиночества. Это штат, где тишина весит больше, чем шум.

Монтана требует стойкости. И стоять за всех приходится женщинам.

Женщина глуши — 51 год

Здесь можно жить в 30 км от ближайшего магазина. В часе от ближайшей клиники. В двух часах от настоящей больницы.

Женщины, которые живут в этих краях, сталкиваются с: — лютым холодом — отсутствием немедленной помощи —

запущенными болезнями – старыми домами, которые надо содержать – полной ответственностью за семью – вполне реальным страхом оказаться отрезанной от мира.

Её отсутствие — географическое: она исчезает, потому что живёт там, куда ничего не доходит.

Женщина семей-ранчero — 39 лет

Монтана живёт животноводством. Коровы, лошади, крупный скот и физический труд.

Женщина здесь делает всё: — помогает с животными — готовит на всех — ведёт счета — водит машины — справляется с чрезвычайными ситуациями — растит детей посреди пустоты.

Она работает как мужчина, но считается «членом семьи». Её отсутствие — экономическое: она создаёт ценность, но нигде не значится.

Женщина маленьких городков — 44 года

В маленьких городках Монтаны время стоит на месте. Общины маленькие, все знают всех, и никто не меняется.

Женщина должна: — быть матерью — быть надёжной — не «устраивать скандалов» — быть набожной — всегда быть под рукой.

Она не может начать заново. Не может выйти за свои культурные границы. Не может показать хрупкость.

Её отсутствие — социальное: она принадлежит не себе, а общине.

Женщина, которая работает в природном туризме — 33 года

Монтана привлекает туристов своими парками, озёрами и соседним Йеллоустоном. За открытками стоят женщины, которые ведут отели, рестораны, активный отдых, техническое обслуживание, логистику и уборку.

Тяжёлые смены, сезонные заработки, жизнь в глухих местах. Никакой стабильности.

Её отсутствие — экономическое: отрасль живёт за её счёт, но сама она никогда не живёт спокойно.

Эпилог — Монтана

Монтана — смесь потрясающей природы и жестокого одиночества. Женщины здесь исчезают в расстояниях: физических, душевных и культурных. Это они держат вместе одинокие дома, ранчо, семьи, маленькие городки и туризм. И пока они держат, никто не смотрит.

Размышление — Монтана

Каждый штат этого тома показывает свою форму отсутствия. Монтана показывает ту, что рождает всепоглощающая география.

Здесь женщин стирают не насилие и не крайняя бедность. Их стирают мили пустоты, зимы, которые отрезают от мира, неизменная культура, роль, от которой нельзя отказаться.

Это медленное, тихое стирание. Одно из самых трудных для распознавания — именно потому, что оно не производит шума.

НЕБРАСКА

Небраска — открытая, прямая, плоская земля. Огромные поля, постоянный ветер, бескрайнее небо. Снаружи — покой. Изнутри — изоляция, медлительность, консервативные общины, тяжёлый фермерский труд и очень мало возможностей.

Это штат, который живёт на полпути между Средним Западом и Западом, но без сильных сторон того и другого.

Здесь женщины исчезают не из-за хаоса. Они исчезают из-за гнетущей нормальности, из-за сельскохозяйственной рутины, из-за неизменных ролей, из-за географического одиночества.

Небраска не шумит, но съедает.

Женщина фермы — 40 лет

Женщина Небраски — неотъемлемая часть фермы: — подъём на рассвете — животные, за которыми надо смотреть — еда на всех — семейная бухгалтерия — посевы, за которыми надо следить — содержание дома — дети, которых надо растить — внезапные чрезвычайные ситуации.

Она работает столько же, сколько мужчины, часто больше. Но числится «безработной».

Её отсутствие — экономическое: она создаёт ценность, но в данных её нет.

Женщина маленьких городков — 46 лет

Городки на несколько тысяч человек, где все знают всё обо всех.

Женщина должна быть: – заботливой матерью – надёжной женой – уважаемым человеком – активной в церкви – опорой общины.

Она не может позволить себе ни лазеек, ни кризисов, ни резких перемен. Она живёт внутри застывшей роли, которую решили за неё другие.

Её отсутствие — культурное: у неё есть место, но нет голоса.

Женщина, которая работает в простых услугах — 32 года

В городах Небраски — Линкольне, Омахе, Гранд-Айленде — женщины делают повседневную работу:

– кассирши – уборка – общепит – помощь в школах – дома престарелых – секретарская работа

Низкие зарплаты, рваные смены, никаких перспектив. Её отсутствие — социальное: без неё город не работает, но никто не упоминает о ней, когда говорят о «развитии».

Женщина расстояний — 53 года

Небраска — штат, где можно два часа ехать за рулём и не увидеть ни одного настоящего города. Это расстояние становится образом жизни.

Женщина, которая живёт за пределами городов, сталкивается с: – долгими поездками по любой надобности – скудной медицинской помощью – суровыми зимами – одинокими домами – монотонной рутинной – отсутствием настоящего круга общения.

Её отсутствие — географическое: она исчезает в километрах.

Этилог — Небраска

Небраска — земля, которая кажется простой, но простота здесь лишь на поверхности.

Женщины здесь исчезают в: — неоплачиваемом сельском труде — замкнутых общинах — огромных расстояниях — нехватке услуг — жёстких ролях.

Это отсутствие, сотканное из земли, традиций и тишины.

Размышление — Небраска

Каждый штат показывает свою форму отсутствия. Небраска показывает ту, что выстроена повседневной жизнью, которая никогда не меняется.

Здесь нет явного насилия, нет громкого кризиса. Есть только жизнь, которая повторяется, труд, который никто не признаёт, роль, которую нельзя оставить. Небраска — штат, где женщины держат всё вместе, и именно поэтому их не видно.

И поэтому она заслуживает этой главы: потому что самое частое стирание — то, которое кажется нормой.

НЕВАДА

Невада — штат, построенный на видимости. Огни, казино, отели, развлечения, туризм, азартные игры, бесконечная ночная жизнь. Витрина, которую мир воспринимает как свободу, излишество и возможность.

Правда — ровно обратная.

Невада — одно из тех мест, где женское тело проще всего использовать, эксплуатировать, потреблять и заменять.

Место, где женщины исчезают не из-за нехватки возможностей, а потому что с их присутствием обращаются как с товаром.

Женское отсутствие здесь современное, трезвое и намеренное. Элегантное, непрерывное и чистое стирание. Из невозможных графиков, ночных смен, давления внешности, изношенной идентичности и ролей, навязанных туристической индустрией.

Женщина казино и отелей – 33 года

Лас-Вегас процветает только потому, что тысячи женщин управляют: – стойками регистрации – уборкой номеров – ресторанами – барами – развлечениями – обслуживанием клиентов – координацией – туристическими колл-центрами.

Ночные смены, отменённые выходные, несуществующие отпуска, постоянное давление. Женщины должны поддерживать безупречный образ, даже когда внутри не осталось сил. Её отсутствие физическое и психологическое: она работает в системе, которая использует её как «часть впечатления», а не как человека.

Женщина, которая работает в ночной сфере – 29 лет

Ночная Невада — не гламур. Она жестока. Среди огней, музыки и шоу сгорают жизни:

– хостес – танцовщицы – барменши – промоутеры – роли, связанные с образом и внешностью

Твоё тело — часть контракта. Если не справишься, тебя заменят за минуту.

Её отсутствие экономическое и моральное: работе нужен её образ, а не она сама.

Иммигрантка, которая держит закулисы – 41 год

За мегаотелями стоят сотни женщин-иммигранток: филиппинки, мексиканки, гаитянки, женщины из Центральной Америки.

Это они делают всё то, что туристы не должны видеть в работе:

– промышленные прачечные – непрерывная уборка – подземные кухни – огромные склады – вечерняя координация – подготовка залов

Скрытые жизни. Усталые тела. Нечеловеческие смены. Её отсутствие системное: она необходима, но к ней относятся как к невидимой.

Женщина, которая живёт за пределами Лас-Вегаса – 52 года

Невада — это не только огни. Это ещё и пустыня вокруг: маленькие городки, низкие дома, редкие службы, изолированные производства.

Женщины здесь сталкиваются с: – непомерными расходами – ограниченной медициной – отсутствием транспорта – огромными расстояниями – суровыми, плохо связанными общинами – скудными возможностями.

Она живёт жизнью, противоположной той, которую мир связывает с этим штатом.

Её отсутствие географическое: она живёт не в Неваде огней, а в настоящей Неваде.

О ней никто не говорит.

Эпилог – Невада

Невада — штат, построенный на представлении. Всё в нём — образ, впечатление и развлечение.

Женщины — тихий двигатель, который крутит эту машину: отели, казино, рестораны, развлечения, обслуживание, координация.

И всё же их ценят меньше всех. Это они поддерживают чужие мечты, живя в суровой, изнуряющей и невидимой реальности.

Невада стирает их ровно так же, как использует.

Размышление – Невада

Каждый штат показывает своё лицо отсутствия. Невада показывает самое современное: женщин, сведённых к экономическим функциям.

Стирает её не бедность. Стирает система.

Это выстроенное отсутствие: тихое, элегантное, переодетое в возможность. У женщин тысяча возможностей, но и тысяча способов их потребить.

И поэтому эта глава так важна: среди огней хуже всего видно ту, кто зажигает их каждый день.

НЬЮ-ГЭМПШИР

В Нью-Гэмпшире есть свобода, леса, озёра, холмы, идеальные деревни, тихие дороги и почти нулевые налоги. Снаружи он похож на минималистский рай: ни хаоса, ни шума, ни огромных городов. Только порядок и природа.

Беда в том, что полная свобода часто означает полное одиночество.

А когда государство недовкладывает в общественные службы, груз ложится прямо на людей — прежде всего на женщин.

Здесь отсутствие женщин — не трагедия. Это изоляция, жёсткие культурные обычаи, давление семьи и нехватка настоящих социальных связей.

Нью-Гэмпшир не нападает. Он оставляет тебя одну.

Женщина маленькой общины – 47 лет

В деревнях Нью-Гэмпшира всё кажется спокойным. Всё закрыто.

Женщина должна быть: – надёжной матерью – уважаемой фигурой в обществе – волонёркой в школах – присутствовать в жизни общины – «хорошим человеком» по местным правилам.

Ей нельзя ошибаться. Нельзя слишком отходить от нормы. Нельзя позволить себе эмоциональные срывы.

Её отсутствие культурное: у неё есть роль, но нет свободы.

Женщина, которая живёт среди холода и расстояний – 52 года

Нью-Гэмпшир невелик, но полон изолированных мест, домов далеко друг от друга и дорог, которые зимой становятся препятствием.

Женщина здесь живёт с: – месяцами снега – расстояниями, которые всё усложняют – болезнями, которые лечат поздно – душевной изоляцией – домашней рутинной, которая не оставляет места – скудной местной медициной.

Если она упадёт, она ждёт. Если она больна, она едет за много миль. Если она рушится эмоционально, никто этого не замечает.

Её отсутствие географическое: она исчезает в тишине и холоде.

Необходимые профессии – 38 лет

В городах средней величины — Конкорде, Манчестере, Нашуа — женщины держат базовые службы:

– школы – клиники – уход за пожилыми – государственные учреждения – начальное образование – административные службы

Низкие зарплаты, ответственность намного больше зарплаты, постоянная эмоциональная нагрузка.

Её отсутствие рабочее: она держит то, что осталось от системы социальной защиты, но государство мало вкладывает в её сферы.

Она необходима, но измотана.

Женщина на низкооплачиваемой работе в туристических районах – 33 года

Север штата живёт туризмом: осенняя листва, озёра, горы, зима.

За идеальными картинками стоят женщины, которые: – убирают помещения – готовят завтраки – работают в ресторанах – ведут гостевые дома B&B – прибирают номера – делают мелкий ремонт.

Сезоны наплыва и пустые сезоны. Нестабильная экономика. Ноль настоящей защиты.

Её отсутствие экономическое: всё держится на ней, но система считает её заменимой.

Эпилог – Нью-Гэмпшир

Нью-Гэмпшир упорядочен и тих. И именно поэтому женщина исчезает без звука.

Она исчезает между: – традиционными ролями – закрытыми общинами – физическими расстояниями – бесконечной зимой – недостаточными службами – низкооплачиваемой необходимой работой.

Нет шума. Нет хаоса. Только одиночество, которое становится нормой.

Размышление – Нью-Гэмпшир

Каждый штат показывает свою форму отсутствия. Нью-Гэмпшир показывает «идеальную»: вежливое, чистое и упорядоченное стирание.

Здесь женщина управляет общинами, но нет общины, которая позаботилась бы о ней.

Это парадокс Новой Англии: чем ты цивилизованнее, тем больше ждёшь, что женщина во всём разберётся сама.

И поэтому эта глава необходима: чтобы напомнить, что даже с виду «хорошие» штаты могут быть ужасными для жизни.

НЬЮ-ДЖЕРСИ

Нью-Джерси — пограничная территория: связанная, лихорадочная, дорогая, перегруженная ежедневными поездками на работу, полная смешанных семей, иммигрантов, тяжёлых районов, дорогих пригородов и забытых городов. Это не Нью-Йорк «за мостом». Это сложный, раздробленный штат, где женщины управляют системой, которая забирает больше, чем отдаёт.

Отсутствие женщин здесь рождается из пяти очень жёстких элементов: — совершенно непомерная стоимость жизни — невидимый домашний труд — изматывающие поездки на работу — многонациональные общины с настоящими трениями — традиционные семейные роли, которые не сдаются.

Нью-Джерси не стирает женщин насилием. Он стирает их усилием существовать среди тысячи функций.

Женщина, которая ездит на работу — 36 лет

Нью-Джерси — штат пригородных поездов. Каждый день теряются часы на дорогу в Нью-Йорк или Филадельфию: опаздывающие поезда, неуправляемые пробки, высокие расходы на транспорт и очень поздние возвращения.

Женщина, которая так живёт, живёт «наполовину»: – наполовину на работе – наполовину в транспорте – наполовину дома (где, по иронии, на неё ложится больше половины семейного груза)

Её отсутствие временно́е: у неё нет времени на себя. Нет времени ни на что.

Она существует в обрывках.

Иммигрантка из сферы услуг – 42 года

(латиноамериканка, гаитянка, африканка, филиппинка)

Нью-Джерси живёт силой иммигрантов. Женщина здесь держит сцену всего штата: – уборка в домах богатых – нянечка без договора – ресторанные кухни – дома престарелых – обслуживание – низкооплачиваемые базовые услуги

Она сталкивается с тремя проблемами одновременно: – низкие зарплаты – очень высокая аренда – огромная ответственность перед семьёй.

Её отсутствие экономическое и языковое: она работает, говорит, приспосабливается, но остаётся на обочине системы.

Она незаменима и всё же всегда заменима.

Женщина из тяжёлых районов – 34 года

Нью-Джерси — это не только высокомерие достатка. В нём есть одни из самых неблагополучных городов Востока:

– уличное насилие – недофинансированные школы – безработица – хрупкая медицина – нехватка настоящих общественных служб

Женщина, которая живёт здесь, сталкивается с: – постоянной небезопасностью – нестабильной работой – неэффективным транспортом – стоимостью жизни, несоразмерной зарплатам.

Она — опора семей с одним родителем, хребет социальных связей, та, кто спасает всё, когда никто не спасает её.

Её отсутствие городское и структурное: никто её не слушает, когда система даёт сбой.

Женщина богатой гордости – 45 лет

Другая сторона Нью-Джерси — его зажиточные пригороды: огромные дома, отличные школы, ухоженные кварталы.

Женщины здесь живут под постоянным давлением: – расписание семьи, забитое до отказа – занятия детей – вынужденное волонтерство – безупречный образ в обществе – брак как символ статуса – непомерно высокие ожидания.

Ей нельзя казаться хрупкой. Нельзя провалиться. Нельзя прервать представление.

Её отсутствие касается идентичности: её видят как функцию семьи, а не как личность.

Эпилог – Нью-Джерси

Нью-Джерси — штат, который живёт слишком быстро и слишком дорого. По-настоящему им управляют женщины, но система стирает их, используя.

– поездки на работу – невидимый труд – недостаточные службы – опасные районы – сверхконкурентные пригороды – жёсткие семейные роли – многокультурность без настоящей поддержки

Штат работает благодаря им, но никогда не смотрит на их усилия.

Размышление – Нью-Джерси

Каждый штат показывает какую-то форму отсутствия. Нью-Джерси показывает ту, что рождается из системы, которая ждёт слишком много и возвращает слишком мало.

Это штат-посредник: слишком близко к центрам власти, слишком далеко от их возможностей. Здесь женщины живут в постоянном сжатии: времени, денег, сил, идентичности.

Виноват не один фактор. Виновата их сумма.

И именно это делает Нью-Джерси центральным для этого тома: он показывает, как женское отсутствие может родиться из полной жизни — полной всего, кроме места для себя.

НЬЮ-МЕКСИКО

Нью-Мексико — один из самых завораживающих и трудных штатов Америки. Чистая красота: бескрайние пустыни, красные каньоны, общины коренных народов, древняя культура, духовность, тишина. Но за этой мощной эстетикой скрывается куда более жёсткая реальность:

– историческая бедность – хронические зависимости – слабые общественные службы – географическая изоляция – хрупкие школы – скрытое домашнее насилие – приграничный наркотрафик

Это штат, где женщины исчезают не случайно: они исчезают, потому что живут на земле, где давит всё — расстояния,

история, культура, бедность, закрытые общины, нестабильная работа.

Нью-Мексико — брошенная красота. И внутри этой брошенности — женщины, которые держат всё.

Женщина из коренных пуэбло – 43 года

В Нью-Мексико одно из самых многочисленных коренных населений Америки: женщины пуэбло, навахо и апачей.

Она живёт между двумя мирами: – древние традиции – современное государство, которое её не замечает.

Она сталкивается с: – недофинансированными школами– минимальной медициной– перенаселённым жильём– низкими зарплатами– ограниченным доступом к базовым услугам– культурной и географической изоляцией.

Она держит большие семьи, целые общины и тяжёлую ответственность.

Её отсутствие историческое: за последние сто лет государство забрало у её народа всё и почти ничего не вернуло.

Латиноамериканка из бедных районов – 35 лет

Нью-Мексико скорее латиноамериканский, чем американский. Испанский повсюду, смешанные семьи и тяжёлый труд.

Латиноамериканки повсюду в закулисы штата: – уборка – общепит – уход – лёгкое сельское хозяйство – местные магазины – поддержка общины.

Они живут на крайне низкие зарплаты при растущих расходах. Многие семьи живут на краю. Без документов всё

ещё хрупче: страх, невидимость, никакой настоящей помощи.

Её отсутствие экономическое и политическое: она тяжело работает, но её никто не представляет.

Женщина, которая живёт далеко от всего – 52 года

Нью-Мексико огромен, но пуст. Крошечные городки, дома в пустыне, города в часах езды друг от друга.

Женщина здесь сталкивается с: – полным одиночеством – далёкой медициной – нулевым транспортом – суровыми зимами, беспощадными летами – неизменной рутинной – скудной работой – повсеместными зависимостями вокруг.

Если она упадёт, никто не придёт. Если ей нужен врач, она едет часами. Если у неё проблемы, она решает их сама.

Её отсутствие географическое: она исчезает в пространстве.

Женщина, которая работает в сфере туристическо- духовной – 30 лет

Нью-Мексико притягивает «духовный» туризм: искусство, медитация, пустыни, ретриты, культура коренных народов.

За поэтичной картинкой стоят женщины, которые держат экономику: – гостевые дома B&B – культурные гиды – галереи – маленькие рестораны – ремесленные лавки – сезонные услуги.

Это неустойчивая сфера: отличный заработок в высокий сезон, почти ничего в остальные месяцы.

Её отсутствие экономическое: красота края притягивает деньги, но не оставляет их тем, кто здесь живёт.

Эпилог – Нью-Мексико

Нью-Мексико — штат, который существует между двумя крайностями: абсолютной красотой и хронической бедностью. Глубокой духовностью и политическим пренебрежением. Сильной традицией и слабыми службами.

Женщины здесь несут всё на своих плечах: общины коренных народов, латиноамериканские семьи, изолированные пустыни, города искусства, минимальную работу.

И пока они держат штат, их не держит никто.

Это отсутствие, которое не шумит, потому что пейзаж слишком красив. А красота покрывает всё.

Размышление – Нью-Мексико

Каждый штат показывает свою форму отсутствия. Нью-Мексико показывает ту, что создана расстоянием и неразрешённой историей.

Здесь женщину стирает не одна сила. Её стирает всё вместе:

– география – культура – традиция – бедность – изоляция – семейные роли – нехватка служб – политическая невидимость

Это древнее стирание. Почти наследственное.

И поэтому эта глава так важна: Нью-Мексико — не место, забытое временем. Это место, забытое государством. И женщины платят за это каждый день.

ШТАТ НЬЮ-ЙОРК

Нью-Йорк — не город. Он бьёт по телу. Это волна, которая хватает тебя и тащит, даже если ты этого не хочешь. Это присутствие, которое не спрашивает разрешения. Входишь сюда и сразу понимаешь: решаешь не ты, решает он.

Это единственное место в мире, где можно быть окружённой миллионами людей и всё равно чувствовать себя более одинокой, чем в пустыне. Это город, который смотрит на тебя, измеряет тебя, оценивает тебя, потребляет тебя, и если ты не выдержишь темпа, он оставляет тебя позади, не оглядываясь.

Нью-Йорк не принимает тебя. Он тебя оценивает.

Это столица мира, но и столица невидимого. Город, который показывает только победителей и забывает тысячи женщин, благодаря которым работает каждый его сантиметр. Тех, кто держит чужие жизни, пока никто не держит её.

Нью-Йорк — это всё сразу: богатство, выставленное напоказ до жестокости, и бедность, у которой больше нет голоса, кварталы, которые меняют лицо за пять лет, и кварталы, не изменившиеся за пятьдесят, языки, которые смешиваются, культуры, которые накладываются, тела, которые пересекаются, жизни, которые по-настоящему никогда не разговаривают друг с другом.

Это город, построенный на непрерывном движении: вскочить в переполненный поезд и выскочить, идти по грязным, ярким улицам, искать работу, которая держит на плаву, мчаться с заказами, ехать в клинику, в школу, домой, на смену, в тысячу разных сторон. Это территория, которая обещает тебе многое, но даёт только то, что ты вырвешь.

Нью-Йорк работает благодаря женщинам, которые держат вместе куски, на которые другие не смотрят: тем, кто работает на верхних этажах небоскрёбов, тем, кто моет полы на нижних, тем, кто растит детей семей, у которых нет времени, тем, кто выживает в кварталах, на которые никто не хочет смотреть, тем, кто противостоит городу, который требует от тебя всего и всегда оставляет тебя недоделанной.

Здесь женщина испытывает три уровня давления одновременно:

1. Давление темпа:

если замедлишься, исчезнешь. Нью-Йорк никого не ждёт и не делает для тебя исключений.

2. Давление цен:

здесь всё стоит слишком дорого — дом, время, силы, идентичность. И каждый день становится финансовым испытанием.

3. Давление присутствия:

ты всегда должна быть на месте, должна держаться, должна работать, должна выстоять.

Но кто держит тебя?

Нью-Йорк прекрасен и жесток: он даёт настоящие возможности, но требует за них очень высокую цену.

Женщина здесь — не слабое присутствие. Она — машина ежедневного выживания. Это она тянет вперёд школы, больницы, рестораны, уборку, общественные службы, транспорт, семьи, небоскрёбы, бизнес и кварталы.

И всё же в истории города её голос не в центре. Он — фон. Он — функция. Он необходим, но не прославлен. Присутствует, но не услышан.

Нью-Йорк — город, который выставляет напоказ всё, кроме тех, кто на самом деле заставляет его работать.

И именно поэтому он занимает в этом томе особое место. Это не штат, как все остальные. Это точка, где сходятся все женские отсутствия Америки: экономическое, культурное, городское, языковое, расовое, профессиональное и эмоциональное.

Это микрокосм всего, что работает, и всего, что не работает.

Здесь женщины повсюду. И всё же они могут исчезнуть за секунду. Достаточно, чтобы их темп отстал от темпа города.

Нью-Йорк большой, но недостаточно большой, чтобы вместить тяжесть женской жизни. И эта глава это доказывает: самый знаменитый город мира — не самый справедливый. Он просто самый заметный. И в огромном шуме её повседневной жизни женщина теряется в тишине.

Манхэттен

Оливия, 39 – Мидтаун, офисы в высотках и бешеный ритм

Оливия садится в метро в 7:10. Линия 6, стоя, телефон в руке, глаза уже в потоке писем.

Она работает на двадцать седьмом этаже стеклянного здания в Мидтауне. Она менеджер проектов в компании, которая продаёт услуги, которые никто толком не может объяснить.

Все говорят о цифрах, прогнозах, квартальных целях. Никто не говорит о людях.

У Оливии шестилетняя дочь, с которой она бодрствует два часа в день. Утром — чтобы её одеть, вечером — чтобы уложить спать. Остальное поручено другим: няня, школа, продлёнка, быстрые сообщения.

Начальник просит у неё «гибкости», но гибкость всегда односторонняя: — совещания, которые затягиваются — звонки вне графика — выдуманные срочности — проекты, которые надо закончить «к вечеру».

Манхэттен продают как город возможностей. Для Оливии это город, который крадёт её время и продаёт его ей обратно в виде доставки на дом, прачечной и платных услуг.

Вечером, когда она выходит из офиса, огни зданий кажутся насмешкой. Сверкает всё, кроме её жизни.

Отсутствие Оливии не дешёвое. Оно пожирает время. Она присутствует везде, кроме того места, где это важнее всего.

Я, Нандо, когда смотрю, как она переходит Третью авеню быстрым шагом человека, который не может позволить себе замедлиться, вижу одну простую вещь: женщину, которая держит город, который никогда не удержит её.

— Nando

Бруклин

Аиша, 31 – Бедфорд-Стайвесант, джентрификация наоборот

Аиша родилась в Бед-Стае, исторически чёрном квартале. Рэп, история, семьи, церквы и летние барбекю на тротуарах.

Потом пришли «художники», инвесторы, новые кофейни, породистые собаки на поводках и цены, растущие без всякой логики. Обычный сценарий.

Аиша работает в местной государственной школе. Её ученики из семей, которым каждый год грозит выселение. Многих её одноклассников детства там больше нет: их вытеснили проекты «реконструкции».

Она учит, слушает, гасит конфликты, защищает. Днём она учительница, психолог, старшая сестра и защитная стена. Ночью она проверяет тетради за столом на съёмной кухне и боится, что однажды больше не сможет платить за этот дом.

Город прославляет Бруклин как «крутой». У Аиши нет времени быть «крутой»: ей надо выжить.

Её отсутствие городское и политическое: квартал, на котором все спекулируют, — единственный, кого по-настоящему не слушают.

— Nando Квинс

Мария Фернанда, 42 – Джексон-Хайтс, три мира в одном

теле

Мария Фернанда из Эквадора. Она живёт в Джексон-Хайтс, в Квинсе: там, где в одном квартале говорят на десяти разных языках, и ни один из них не язык власти.

Ночью она убирает офисы на Манхэттене, а днём, когда нужно, сидит с детьми. Сон — роскошь по часам.

У неё двое детей: один родился в Кито, другой в Нью-Йорке. Старший спрашивает, почему её никогда нет дома. Младший

думает, что мама всегда спешит.

Мария посылает деньги матери, которая осталась в Эквадоре. Она держит два континента. Одним телом.

Её жизнь — непрерывная дорога: Квинс → Манхэттен → Квинс. Медленные поезда, тяжёлые сумки, усталые ноги.

По-настоящему её никто не видит. Для родителей американской девочки, за которой она смотрит, она «Мэри». Для коллег по уборке — «та, что никогда не останавливается».

Её отсутствие языковое и социальное: она заставляет работать тот Нью-Йорк, который работает, но не принадлежит ни одному официальному рассказу.

Я, Нандо, встречаю её однажды в воскресенье утром на Рузвельт-авеню и думаю только одно: эта страна стоит только потому, что такие женщины, как она, не дают ей упасть. —
Nando

Бронкс

Кейша, 29 – Южный Бронкс, ежедневное сопротивление

Кейша живёт в Южном Бронксе. Обветшалые дома, частые сирены, дешёвые магазины, дети, которые играют на разбитых тротуарах.

Она одна растит двоих детей. Их отец исчез годы назад среди обещаний и извинений.

Она работает в супермаркете, в вечернюю смену: – быстрая касса – нервные покупатели – менеджеры, которые проверяют каждую минуту – зарплата, которой никогда не хватает.

Днём она бегаёт: – отводит детей в школу – говорит с учителями – спорит с конторой, которая распределяет пособия – ходит за продуктами, считая каждый доллар.

У неё нет времени думать о себе. Она знает только одно: надо держать этих двоих детей на ногах.

Бронкс до сих пор изображают как проблему. Кейша — решение, которого никто не признаёт: мать, которая держит квартал, который политики используют только как декорацию.

Её отсутствие структурное: она в центре всего, что происходит, но для системы её не существует.

— Nando

Статен-Айленд

Джина, 45 – невидимая пассажирка между двумя городами

Джина живёт на Статен-Айленде. Она работает в страховой конторе на Манхэттене. Каждый день одна и та же рутина:

– автобус – паром – метро – офис – и потом всё обратно, к началу.

Для жителей Манхэттена Статен-Айленд едва существует. Сосок на карте, низ стопки. А для Джины это дом. Но это и клетка.

Она хотела бы сменить работу, но любая серьёзная возможность далеко. Она хотела бы больше времени для детей, но отдаёт его транспорту. Она хотела бы не быть уставшей каждый вечер, но город не жалеет тех, кто живёт на его окраинах.

Её отсутствие и временно́е, и пространственное: она живёт в месте, которое её изолирует, и работает в месте, которое её использует.

Я, Нандо, представляю её стоящей на пароме, со стаканом кофе в руке, с глазами, потерянными в силуэте города. Нью-Йорк перед ней. Её жизнь — посередине.

— Nando

Уолл-стрит

Рейчел, 37 – женщина, которой нельзя сломаться.

Рейчел работает в финансовом секторе. У неё нет роскоши быть посредственной. Не в этой среде. Не будучи женщиной.

Она научилась говорить быстрее, никогда не ошибаться в тоне, никогда не показывать сомнений. Срыв не прощают никому, но женщине его припоминают всю жизнь.

Дни — это машины: цифры, графики, звонки, совещания, цепочки писем, деловые ужины, решения, принятые слишком поспешно, с последствиями слишком большими.

Когда она приходит домой, она пустая. Не грустная: пустая. У неё нет сил строить что-то вне работы. Недоделанные отношения, сломанные дружбы, далёкая семья.

Нью-Йорк аплодирует успеху женщин на Уолл-стрит на конференциях, мероприятиях о расширении прав и панелях. Потом, как только выключают микрофон, всё возвращается на свои места.

Её отсутствие эмоциональное: она присутствует в каждой комнате, где принимаются решения, но ей пришлось

отказаться от части себя, чтобы там сидеть.

У этой истории нет морали. У неё есть только открытый счёт.

— Nando

Няня-латиноамериканка

Долорес, 54 – Аппер-Ист-Сайд, растит чужих детей.

Долорес из Мексики. Она живёт в Нью-Йорке двадцать лет. Двадцать лет она входит в дома, которые никогда не будут её.

Она работает на Аппер-Ист-Сайде, среди огромных квартир, швейцаров, бесшумных лифтов и кухонь больше, чем вся её однокомнатная квартира в Квинсе. Она вырастила четверых детей в семье, которая считает её «почти родной». «Почти». Слово, в котором всё сказано.

Она видела их первые шаги, слушала их плач, вытирала им слёзы, готовила полдники, провожала в школу, снимала их дни на видео, выслушивала их признания.

Когда эти дети вырастают, они уходят. Долорес остаётся.

В тот вечер она возвращается домой поздно. Её родной сын, уже взрослый, всё ещё хранит к ней некоторое уважение, смешанное с обидой: в детстве он видел её мало. Она была занята тем, что была матерью другим.

Её отсутствие двойное: мать, присутствующая в чужих жизнях, мать, отсутствующая в собственной семье.

И Америка подытоживает всё одной фразой: «Такая работа».

— Nando

Бездомная женщина

Моник, 51 – Мидтаун, невидимая среди миллионов

Моник спит, где может. Иногда в приюте, иногда на куске картона перед витриной закрытого магазина, иногда на стуле на какой-нибудь станции метро.

Когда-то у неё был дом, партнёр, работа. Потом обычная спираль: болезнь, долги, потеря работы, нервный срыв, не за кого держаться. Она чёрная, ей за пятьдесят, и у неё тело, которое она тащит через каждую зиму, проведённую на улице.

Утром, пока город мчится на работу, она там. Та же улица, тот же угол, тот же взгляд, который никто не хочет встретить.

Её отсутствие полное: для системы она больше ничто. Не работница, не потребительница, не «полезная». Значит, её не существует.

Я, Нандо, каждый раз, когда вижу женщину на улице в Нью-Йорке, задаю себе один и тот же прямой вопрос: сколько шагов должно было пропустить государство, чтобы она оказалась здесь?

Ответ всегда один: слишком много. Nando

Большая больница

София, 34 года – медсестра между двумя сменами и без

передышки

София входит в больницу, когда многие ещё спят. Смена с 7 утра до 7 вечера. Если всё пойдёт хорошо. Потому что в

некоторых отделениях «если всё пойдёт хорошо» не бывает.

Она работает в большой больнице на Манхэттене.

Бесконечные коридоры, неоновый свет, сигналы тревоги, мониторы, срывающиеся голоса, тела, подключённые к аппаратам, родственники с вопросами, врачи, пробегающие мимо.

София не может позволить себе рухнуть. У каждого действия есть последствия. Каждая рассеянность весит много.

В конце смены у неё всё ещё остаются: – истории, которые не кончаются – взгляды, которые она не забывает – новости, которые ей пришлось сказать шёпотом – ответственность, которую никто не может с неё снять. За стенами больницы Нью-Йорк бежит, будто ничего не происходит. Внутри она держит самую хрупкую часть города.

Её отсутствие и эмоциональное, и институциональное: она в самом сердце системы здравоохранения, но её голос значит меньше, чем её выносливость.

Я, Нандо, глядя, как эти женщины в форме выходят со смены без сил, понимаю одну простую вещь: если однажды они все вместе решат остановиться, город рухнет за 48 часов.

— Nando

Рестораны

Джулия, 27 – Лоуэр-Ист-Сайд, тарелки, столики и сжатое

достоинство

Джулия — итальянская американка, но из того Нью-Йорка, которого настоящие итальянцы уже не знают. Не

открыточная Маленькая Италия, а бесконечные смены в ресторане на Лоуэр-Ист-Сайде.

Она официантка, но делает гораздо больше: – психолог на ходу – громоотвод для нервных клиентов – буфер между кухней и залом – внешность напоказ – тело всегда прямое, улыбка всегда на лице

Чаевые решают, будет ли неделя жизнью или передышкой. Базовая зарплата смехотворна, как всегда в этой отрасли.

В конце вечера ей задают самый глупый вопрос из всех: «А чем ты на самом деле занимаешься?»

Как будто это «на самом деле» не работа. Её отсутствие социальное: она нужна всем, когда они голодны, и никто не думает о ней, когда речь заходит о правах.

Я, Нандо, больше уважаю женщину, которая выдерживает восьмичасовую смену в зале, чем того, кто сидит за столиком и думает, что стоит больше только потому, что платит.

— Nando

Творческая индустрия

Лия, 36 – Бруклин, творческий человек, который никогда не может выключить

голову.

Лия работает сценаристкой и продюсером в продакшн-компании в Бруклине и на Манхэттене. Сериалы, кампании, контент. Всегда что-то придумать, всегда кого-то убедить, всегда нелепый срок.

На вечеринке по случаю запуска нового проекта все говорят о «видении», «сторителлинге» и «новых нарративах». Никто не говорит о бессонных ночах, бесконечных правках, украденных идеях и выгорании, переодетом в «страсть к работе».

Лия живёт в общей квартире в Бушвике. Возможно, она «сделала карьеру», но цены города съедают любое продвижение.

Её отсутствие профессиональное: Нью-Йорк продаёт творчество как свободу, но её творчество привязано к бюджетам, звонкам, абсурдным требованиям, постоянному давлению.

Она производит воображение. Деньги на нём зарабатывают другие.

— Nando

Фриланс по кусочкам

Прия, 33 – три работы, ноль гарантий

Прия родилась в Квинсе в семье индийцев. Она образованна, голова полна идей, но нью-йоркский рынок труда вручил ей ясный пакет: фриланс на всю жизнь.

Она делает графический дизайн для агентств, которые называют её «внешним сотрудником», пишет тексты для брендов, которые никогда её не упоминают, и время от времени ведёт короткие курсы о том, как поднять арендную плату.

У неё нет отпуска, нет больничных, нет премий, ничего гарантированного. У неё есть только обязанности.

Днём она сдаёт работы. Ночью проверяет почту в надежде, что не придёт очередное «нам нужно чудо к завтрашнему дню».

Город любит говорить: «Здесь, если у тебя есть талант, ты пробьёшься». Но правда другая: здесь, если у тебя есть талант, из тебя выжмут всё, пока от тебя ничего не останется.

Её отсутствие договорное: она ведёт куски коммуникации, кампаний и проектов, но на бумаге она всегда «на аутсорсе».

Я, Нандо, ясно вижу подвох в лице такого человека, как ты: полная работа, пустая жизнь.

— Nando

Социальное жильё

Таня, 44 – Восточный Гарлем, мать, опекуниша, мишень

Таня живёт в комплексе социального жилья в Восточном Гарлеме. Дома старые, плохо содержатся, лифты часто ломаются, лестницы стёрты.

Она мать троих детей. Она работает помощницей в местной школе. Платит она мало, но настоящая цена — другая: жить в месте, которое государство больше не считает своим.

Каждый день делится между: — работой — школьными собраниями — соседями, которым надо помочь — бюрократией ради пособий — тревогой за детей, растущих в сложной среде — шумом ссор, полиции, сирен.

Её отсутствие политическое: её квартал существует, только когда нужна фотография, чтобы говорить о «социальных проблемах».

А тем временем жизнь в нём держит она и такие женщины, как она, которые служат стеной против всего.

Нью-Йорк говорит о развитии, обновлении и инвестициях. Но когда поднимаешься по лестницам некоторых домов, понимаешь, что многие из них брошены годами.

— Nando

Домашнее насилие

Роса, 38, Квинс, в ловушке между страхом и документами.

Роса из Доминиканской Республики. Она живёт в общей квартире в бесконечном районе Квинса.

У неё муж, который работает урывками и чередует: дни, когда он извиняется, дни, когда он кричит, дни, когда он толкает, дни, когда он бьёт. Роса не уходит по трём причинам: – ей страшно – у неё нет денег – она боится потерять разрешение на пребывание в стране.

Ночью, когда он спит, она делает вид, что ничего не происходит. Утром она замазывает синяки косметикой и идёт на работу в прачечную самообслуживания.

Система говорит ей: «Позвони, попроси помощи, уходи». Но реальность грязнее: переполненные приюты, листы ожидания, перегруженные соцработники, мало настоящей защиты.

Её отсутствие правовое: она заперта в пустоте законов, документов, страха и отсутствия выбора.

Я, Нандо, смотрю со стороны и знаю, что фраза «захочет — уйдёт» — одна из самых лживых и трусливых, какие только

придумал этот мир.

— Nando

Ультраортодоксальные кварталы

Хая, 29 – Боро-Парк, жизнь, определённая до рождения.

Хая живёт в Боро-Парке, в Бруклине. Ультраортодоксальный еврейский квартал. Строгие правила, закрытая община, назначенные роли.

Её жизнь решили до того, как у неё вообще могло появиться мнение: – брак в очень юном возрасте – много детей – никакой настоящей самостоятельности – религиозное учение в центре – внешний мир как угроза.

Её день полон: дом, дети, покупки, готовка, обряды, постоянные просьбы. Ни одного мгновения настоящей тишины, ни одного пространства только для неё. У Хаи есть мысли, которые она не может выразить. Вопросы, которые она не может задать. Догадки о том, что может быть там, снаружи, но нет карты, чтобы туда добраться.

Её отсутствие культурное и духовное: она присутствует в каждом жесте своего мира, но не может существовать как личность отдельно от этой структуры.

Нью-Йорк аплодирует разнообразию, но с радостью соглашается, чтобы некоторые женщины жили в «невидимых» культурных клетках, если они не мешают другим.

— Nando

Маникюрный салон

Ли Мэй, 41 – Флашинг, идеальные руки, сгоревшая жизнь

Ли Мэй работает в маникюрном салоне во Флашинге, в Квинсе. Клиентка за клиенткой, ноготь за ногтем, в запахе жидкости для снятия лака, в маске, со сгорбленной спиной.

Она приехала из Китая больше десяти лет назад. Работу нашла сразу: наличные, длинные смены, мало вопросов.

Она работает шесть дней в неделю, по десять часов в день. Иногда больше.

Для клиенток она — принадлежность заведения: «та, что хорошо и молча делает ногти».

Никто не спрашивает себя: — сколько денег у них остаётся в кармане — как часто они дышат химией — есть ли у них медицинская страховка — могут ли они спать ночью без боли. Её отсутствие химическое и социальное: она медленно стирается под неоновым светом, делая красивыми чужие руки, а никто не замечает, какие руки у неё самой.

Я, Нандо, представляю, как она вечером закрывает салон и считает деньги. Не прибыль: запас. Разницу между тем, чтобы остаться на плаву, и тем, чтобы погрузиться чуть глубже.

— Nando

Женщина ночи

Жасмин, 28 – Таймс-сквер, яркие огни, хрупкая жизнь

Жасмин работает в клубах, которые живут после полуночи. Она танцует не ради искусства. Она танцует, чтобы выжить.

Это длинные смены, тёмные коридоры, менеджеры, которые слишком много улыбаются, клиенты, которые путают обслуживание с правом на всё.

Она выучила десять правил, которые нигде не написаны: — улыбайся — не доверяй — не оставайся одна — не пей то, что тебе предлагают — не показывай страх — держи глаза открытыми — не заводи друзей — не верь обещаниям — не останавливайся — не возвращайся домой поздно одна.

Каждая ночь — равновесие на невидимой нити. Никто её не защищает: ни клубы, ни полиция, ни город.

Её отсутствие моральное: все знают, что она существует, но никто не хочет признать её работницей.

Я, Нандо, когда вижу девушек, выходящих из клубов на рассвете, знаю, что сила — это не гламур. Это выживание. — Nando Курьер Карла, 30 — Квинс → Манхэттен, дождь, снег, жара, всегда на улице Карла работает на велосипеде. Термосумка на спине, телефон на руле, приложение, которое решает всё: — маршрут — оплату — время — штраф — следующий заказ Она — «умная» часть системы. Та часть, на которую никто не хочет смотреть. Она проносится мимо машин, такси, ям и беспощадных светофоров. Она крутит педали под дождём, по снегу, с ветром, который леденит лицо. Всё ради нескольких долларов, выданных по капле. В тот вечер она возвращается домой без сил. Ни защиты, ни гарантий, ни страховки. Её отсутствие цифровое: она существует только внутри приложений. Не снаружи. — Nando Мать-одиночка из глубинки Квинса Эрика, 33 — Фар-Рокавей, между океаном, расстоянием и бедностью Фар-Рокавей — это Нью-Йорк, но не совсем. Он далёкий, оторванный и забытый. Район, который город использует только для статистики.

Эрика живёт там с двумя детьми. Она работает в супермаркете. Каждый день она делает, что может:

– растит детей – одевает их – готовит завтрак – отводит их в школу – бежит на работу – обслуживает покупателей, весы, кассы – возвращается домой на очень долгих автобусах – готовит – убирает – приводит всё в порядок

Она мать, у которой три жизни: своя, жизнь её детей и жизнь квартала.

Её отсутствие географическое: она живёт слишком далеко, чтобы её видели.

Я, Нандо, смотрю на карты и расстояния и знаю одно: тот, кто живёт в Фар-Рокавей, каждый день живёт с невидимым увечьем.

— Nando

Женщина из чёрной общины Бруклина

Латойя, 40 – Браунсвилл, рутина выживания

Браунсвилл — один из самых израненных кварталов Нью-Йорка. Давняя бедность, плохие службы, заброшенные школы.

У Латойи две работы: утром в школе, вечером в доме престарелых.

Её день никогда не кончается. У неё нет расписания. Нет запаса. Нет передышки.

Каждый месяц надо решать, что платить первым: аренду? счета? еду? транспорт? лекарства?

Её отсутствие расовое: в городе, который любит называть себя «прогрессивным», чёрные женщины из бедных кварталов исчезают последними и снова становятся видимыми только тогда, когда случается трагедия, которую можно выложить в сеть. — Nando Женщина в технологиях Ханна, 29 – Манхэттен, стартап, тревога, давление, притворство Ханна работает в технологическом стартапе, который говорит о «разнообразии», «инклюзивности», «будущем» и «новом лидерстве». А на практике: – мужчины наверху – мужчины, которые принимают решения – мужчины, которые ведут проекты – мужчины, которые получают финансирование. Ханна делает всю невидимую работу: организует, редактирует, презентует, общается с клиентами и разбирается со срочностями. Она хороша. Так хороша, что все этим пользуются. Уже год она ходит к психотерапевту из-за тревоги и выгорания. Её отсутствие культурное: технологии называют себя современными, но внутри они старые. Я, Нандо, понял, что «новый мир» не изменится, пока не изменятся те, кто им управляет. — Nando Иммигрантка без документов Ярица, 26 лет – Бронкс, работает везде, живёт в тени. Для государства Ярицы не существует. Поэтому и государства для неё не существует. Она работает в трёх необычных местах: – уборка в жилом доме – готовка в закусочной – присмотр за детьми, когда нужно.

Ей платят наличными. Никаких гарантий. Никакой защиты. Никаких прав.

Она боится полиции, боится иммиграционной службы, боится домовладельцев, боится, что одна жалоба заставит её исчезнуть навсегда.

Её отсутствие правовое: она живёт в щели между двумя мирами. Она необходима, но не признана.

— Nando

Иммигрантка в бегах

***Маха, 37, из Астории, бежит от
принудительного брака.***

Маха приехала с Ближнего Востока два года назад. Она оставила позади мужа-насильника, семью, которая не хотела её свободы, и культуру, которая не позволяет женщине самой принимать решения.

В Нью-Йорке она живёт в комнате на несколько человек в Астории. Она работает в продуктовом магазине. По вечерам учит английский, смотря видео на телефоне.

Она носит в себе древний страх: что кто-то из её семьи её найдёт. Что всё вернётся назад. Что свобода кончится. Её отсутствие чувственное: она существует наполовину, одной ногой в новой жизни, другой в вечном бегстве.

Нью-Йорк дал ей возможность исчезнуть. Теперь ей надо научиться существовать.

— Nando

Женщина миль дорог, метро, шума, гонки

Елена, 50 лет – Манхэттен, жизнь, прожитая в городе, который пожирает.

Елена живёт в этом городе больше тридцати лет. Она видела, как меняются кварталы, дома, магазины и лица. Она видела,

как уезжают друзья, как коллеги теряют работу, как распадаются семьи.

Она осталась.

Она работает старшей смены в универмаге. Длинные смены, тяжёлая ответственность, постоянное давление. Она руководит командами, справляется с покупателями и спасает дни, которые должны были пропасть.

Елена — настоящий Нью-Йорк: тот, которого нет в кино. Тот, который заставляет систему работать. Тот, который не жалуется, но чувствует каждый удар.

Её отсутствие экзистенциальное: она отдала городу всё, а город вернул ей только выносливость.

Я, Нандо, когда встречаю женщин, которые живут здесь по двадцать лет, понимаю то, чего не поймёт ни один турист: жить в Нью-Йорке — это медленная война. И те, кто остаётся, побеждают каждый день, не празднуя.

— Nando

Эпилог

Нью-Йорк — город, который требует, чтобы его видели, но сам никогда по-настоящему не смотрит. Это место, которое входит в тебя, как непрошенный выбор: либо ты его принимаешь, либо он тебя раздавит.

Внутри этого совершенного хаоса женщины — невидимая ось, на которой держится всё. Они в поездах, на кухнях, в больницах, в школах, в небоскрёбах, на складах, в кварталах, куда власть никогда не заходит. Они повсюду, но о них вспоминают, только когда они нужны.

Город бежит быстрее самой жизни и в этой гонке пожирает тех, кто по-настоящему его держит. Нью-Йорк обещает всё: успех, возможности, спасение. Потом он требует цену, которую не называет.

Правда проста: самый знаменитый город мира живёт на спинах женщин, которые никогда не попадают на обложки.

Эта глава возвращает их на поверхность. Одну за другой. Историю за историей. Без фильтров. Без романтики. С прямой спиной, как того заслуживает каждая жизнь, которую не замечают, пока она несёт на себе тяжесть миллионов других.

Размышление

Каждый штат в этом томе показывает свой вид отсутствия. Нью-Йорк вмещает их все. Здесь женское отсутствие полное и умноженное: — отсутствие времени— отсутствие защиты— отсутствие места в голове— отсутствие признания— отсутствие того, кто слушает— отсутствие передышки— отсутствие собственной идентичности— отсутствие отдачи за то, что отдано.

Город, который продаёт идею свободы, — тот же город, который заставляет тысячи женщин выживать внутри систем, созданных не для них. Они необходимы, но заменимы. Они присутствуют, но невидимы. Они двигатель, но не рассказ.

В Нью-Йорке у каждой женщины своя битва, но у всех одна и та же земля: город, который не останавливается, даже перед их борьбой.

И именно поэтому эти страницы необходимы: Нью-Йорк — это не только силуэт небоскрёбов, искусство, культура, успех.

Это ещё и отсутствие. Женское отсутствие. Самое обходимое стороной, самое подлинное, самое постоянное.

Личная заметка

Нью-Йорк — мой дом. И именно потому, что это мой дом, я не прощаю ему лжи.

Мне неинтересно описывать город, который видят туристы, газеты, сериалы или чужие мечты. Мне интересен город, который дышит, который истекает кровью, который ломается и каждый день собирает себя заново на плечах настоящих людей.

Я видел достаточно, чтобы окончательно понять одно: женщины здесь несут вдвое больше и получают вдвое меньше. Не потому, что они слабые, а потому, что город привык к их силе. А когда мир привыкает к твоей силе, он перестаёт тебя защищать. Я, Нандо, написал эти истории, потому что не могу принять, что обо всём этом молчат. Не могу принять, что тех, кто двигает всю эту машину, оттесняют на обочину рассказа. Не могу принять, что шум города заглушает шум жизней, которые держат его на плаву.

Нью-Йорк прекрасен, но он не невинен.

Эти страницы — мой способ сказать это, ничего не подслащивая, не убирая ни грамма правды, ни у кого не спрашивая разрешения.

— Nando

Ferdinando Frega